

Лев Николаевич

Толстой

Смертная казнь и христианство

(1909 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYU и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYU

Подготовлено на основе электронной копии 38-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 38-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются

в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. Толстой

1909 г.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ХРИСТИАНСТВО.

Третьего дня получил следующее письмо от Петербургского студента:

«Многоуважаемый Лев Николаевич! Посылаю вам статью А. Ст-на, напечатанную в «Новом Времени» 18 декабря, и очень прошу Вас сообщить, что Вы думаете о ней, а в особенности о словах Христа: утверждает ли Он: что злословящий отца и мать подлежит смертной казни».

При письме приложена была следующая вырезка из «Нового Времени» от 18/31 декабря 1908 года:

ЗАМЕТКИ.

Восставать против смертной казни — задача очень легкая, приятная и выигрышная. Я с детства всю жизнь так и думал, что государство может отлично обходиться без смертной казни, что заповедь «не убий»

является повелительным руководством для человечества, что смертная казнь противоречит христианскому укладу.

Но пережитая в России революция и страшный рост преступности во Франции при фактической отмене смертной казни заставили многих (в двух государствах с противоположным политическим строем) переоценить и эту ценность. Мне этот вопрос представляется гораздо более сложным и сомнительным, чем он всегда представлялся в своей кажущейся простоте и ясности.

Первое сомнение, которое является, следующее:

Отказываясь казнить преступников, не обрекает ли этим самым государство на казнь случайных жертв разнообразных преступлений? Другими словами: милуя заведомо виновных, государство казнит гораздо большее число заведомо невинных людей.

Но ведь это противоречит нашим религиозным понятиям....

Приходится и тут разобраться. Как примирить суровый Моисеев закон, пестрящий смертными казнями, с общей заповедью: «Не убий». Совершенно очевидно, что эта заповедь касалась частных отношений граждан, оберегая государственную монополию еврейской теократии.

Совершенно так же, как закон, возбраняющий, например, частным лицам постройку железных дорог, этим самым указывал бы на преимущественное право государства пользоваться этой регалией.

Но суровый закон Моисея доразвился до кроткой религии Христа. Принято думать, что достаточно простого указания на Евангелие, чтобы победоносно оспаривать самую возможность казни. Между тем в Евангелии только в одном месте (Ев. от Марка гл. 7, ст. 9–13) упоминается о смертной казни и... в пользу ее:

«9. И сказал им: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание?»

«10. Ибо Моисей сказал: почитай отца своего и мать свою, и злословящий отца или мать смертью да умрет (Исх. 20, 12, 21, 16).

«11. А вы говорите: кто скажет отцу или матери: корван, то есть дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался.

«12. Тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей.

«13. Устраняя слово Божие преданием вашим, которое вы установили; и делаете многое сему подобное».

Здесь мы видим, что Христос закон, влекущий смертную казнь, называет словом Божиим и противопоставляет ему предание, отменяющее частное применение этого закона.

Как же смотрел Христос на возможность судебных ошибок, на приговоры

несправедливые? Он имел в виду верующих, которым смерть не должна внушать панического ужаса, естественного для отрицающих загробное существование, и потому повелел не бояться «убивающих тело».

Право на человеческую жизнь – страшное право. Когда государство выпускает его из рук, его подбирают самозванцы и пользуются им без удержки и страха.

А. Ст–н.

Я не верил глазам. До такой степени не верил, что отыскал полученный в тот же день № 18 Декабря «Нового Времени» и прочел.

Все так, все это не во сне, наяву. В большой распространенной консервативной газете, стоящей будто бы за поддержание христианской религии, разносится по всей России с видом значительности, серьезности и авторитетности это ужасающее кощунство, насмешка, издевательство над учением Христа и полнейшее отрицание его.

В тот же вечер я написал студенту, приславшему статью, и Ст–ну. Студенту я написал следующее:

«Оправдывать смертную казнь словами Христа не решался до сих пор ни один изувер. Такое оправдание, кроме своей искусственности, и глупо, и бессовестно.

«Вывод из такого толкования буквы писания, называемого священным, только один: тот, что нет ничего более вредного для понимания учения Христа и более губительного и для истинной религии и истинной нравственности, как приписывание непогрешимости букве писания, так как нет больших нелепостей, гадостей и жестокостей, чем те, которые основывались на этой букве. На статью же С–на можно ответить только одним словом: «стыдно», что и написал ему.

Лев Толстой.

20–го декабря 1908 года».

Положение людей нашего мира, и в особенности в наше время нашего русского народа ужасно, не тем только, что самодовольно, спокойно, не скрываясь, а во всеуслышание совершаются каждый день, как что–то необходимое и законное, ужаснейшие преступления, убийства теми людьми, которые сами себя считают и считаются темными массами руководителями народа, но, главное, тем, что той наглостью, с которой совершаются эти преступления, разрушаются в рабочем народе последние остатки веры в какой–нибудь обязательный для людей закон Бога.

Знаю, что соединенные сложным правительственным устройством люди, совершающие те преступления, которые они называют казнями, не услышат, потому что не хотят слышать того, что я кричу, о чем умоляю их, но я все–таки не перестану кричать, умолять все об одном и том

же до последней минуты моей жизни, которой так немного осталось, или до тех пор, пока те самые люди, которых я обличаю за их злодеяния, не помешают мне обличать их, сделав надо мной то же, что они делают над другими неприятными им людьми, в том числе все чаще и чаще в последнее время и над моими друзьями за распространение моих книжек. Не могу молчать я именно потому, что, будучи своим ли возрастом, своей ли случайно раздутой репутацией или по каким-либо другим неизвестным и непонятым мне обстоятельствам поставлен в исключительное положение, такое, при котором я один могу говорить среди всех живущих в России с зажатými ртами людей, я своим молчанием показывал бы согласие и одобрение тем злодеяниям, которые, не слыша за них осуждения, все смелее и смелее совершают несчастные, заблудшие люди, называющие и считающие себя правителями.

Пишу и теперь о том же, о том отношении людей нашего мнимо-христианского мира, в особенности так называемого образованного класса нашего мира, к смертной казни.

Отношение это с поразительной яркостью выразилось и в статье Г-на С-на. Как ни ничтожна сама по себе статья эта и как ни нелепа, она все-таки представляет из себя очень определенное кощунство над всем тем, что всегда было и есть и будет священо для людей, понимающих христианское учение в его истинном смысле. В статье этой, напечатанной в газете, имеющей сотни тысяч читателей, говорится о том, что Христос не только не запрещал убийства, не только признавал необходимой смертную казнь, но упрекал людей за то, что они отменили ее. Это Христос, проявление Бога любви, того Бога, который есть любовь! И статья эта печатается, распространяется по всей России, и те мнимые христиане, которые изо всего евангелия дорожат более всего тем местом, где говорится о том, как Христос хлестал кнутом людей в храме и как спрашивал, есть ли у учеников мечи, не только не возражают, но не обращают никакого внимания на это кощунство, и статья проходит замеченной только теми, которые видят в ней новое оправдание необходимого им преступления. Статья, положим, очень неосновательна и даже глупа

[1] , но ведь либеральные газеты, по своей партийности стоящие против смертной казни, казалось, должны бы были – как они это всегда делают в обзоре печати – указать на лживость и глупость этой статьи, но я пересмотрел около десятка газет и нигде не нашел ни слова об этом кощунстве. Студент наивно спрашивает, справедливо ли толкование С-на, либеральная же профессорская газета, хотя и не по случаю статьи С-на, а по случаю моей статьи о Боснии и Герцеговине, рассуждает точно так же, как и Г-н С-н, приводя в защиту насилия, как всегда, изгнание из храма. И статья, приписывающая Христу упреки тем, кто желал бы отменить смертную казнь, проходит невозбранно, одобряемая, очевидно, и правительством и либералами.

Почти в то же время на последнем заседании женского съезда происходит следующее: одна из женщин желает высказать испытываемое

ею и большинством женщин тяжелое чувство, вызываемое частыми смертными казнями, но не успела она произнести слова: смертная казнь, как выступил полицейский и запретил продолжать говорить об том, что нехорошо убивать друг друга.

То же самое происходит и в Думе на другой или на третий день после статьи С–на. Один из членов Думы, узнав о том, что в одном из русских городов в один день было приговорено к задушению 32 человека, нашел, что такое количество задушенных в один раз слишком велико, и нашел нужным выразить по этому случаю свое и своих единомышленников негодование. Как ни странно торжественное выражение негодования людей, исповедующих закон Христа, против людей, исповедующих тот же закон и занимающихся уже несколько лет задушением своих братьев и пожелавших, по мнению протестующих, задушить сразу уже слишком много людей, заявление это было сделано. И что же? Как отозвалось на это выражение негодования большинство мнимых представителей народа?

Отозвалось дикими воплями, ругательствами, отозвалось, главное, – как у всех преступников, знающих свою преступность, – тем же, чем отозвалось на выражение несочувствия убийству на женском съезде, чем выражается оно во всех цензурных распоряжениях, карающих за всякую попытку осуждения убийства, желанием во что бы то ни стало скрыть свое преступление, сделать то, что делает всякий преступник: устранить свидетелей своего преступления. Замечательно при этом особенно то, кто были те, которые больше всего старались заставить замолчать людей, выразивших негодование против смертной казни, которые особенно возмущались желанием людей прекращения братоубийства. Все это были те самые люди, которые уверяют себя и других, что они верят в какой–то устанавливаемый разными духовными и недуховными лицами закон, который они называют христианским и во имя которого они совершали, совершают и хотят продолжать совершать невозбранно свои злодеяния.

В христианском государстве всякий человек, достигший возраста, должен быть солдатом, готовым к убийству. Поощряется всякая готовность к убийству. Разрешаются всякого рода истязания, отнимание земли у людей, желающих кормиться земледелием. Разрешается проституция, организуется пьянство, признается необходимым шпионство, запрещается с величайшей старательностью и заботливостью одно – высказывание несочувствия убийцам.

Разве не ясно, что люди, поступающие так, знают, кто они такие, знают, что для деятельности их нет и не может быть никакого не только религиозного или нравственного, но какого бы то ни было разумного оправдания, и что им остается одно: всякими самыми отвратительными преступлениями – убийствами, грабежами, всякого рода обманами, мошенничествами, подлостями, удерживать свое положение, что они и делают с удивительной наглостью и дерзостью.

Люди удивляются тому, что жизнь полна всякого рода ужасов и зла. Да разве это может быть иначе? Ведь жизнь может быть несовершенна в том обществе, где условия жизни отстают от идеала, указываемого верой, или где самая вера включает некоторые неясности и извращения, но

какая же может быть жизнь, не говоря уже нравственная, но сколько-нибудь порядочная в том обществе, где нет никакой веры, никакого определения смысла жизни и вытекающего из него руководства поведения? В Китае, в Индии, в Японии, среди тех народов, которых мы, воображающие себя христианами, считаем дикими, может протекать более или менее разумная человеческая жизнь. Если у них нет столько граммофонов, синематографов, автомобилей, туалетных украшений, аэропланов, 30-этажных домов, гор печатной бумаги и т. п., как у нас, то зато у них есть признаваемый большинством религиозно-нравственный закон и вытекающее из него руководство поведения, которое люди считают для себя обязательным. У нас же, у так называемых христиан, есть много ненужных и вредных глупостей, которыми мы гордимся, но нет того одного, без чего жизнь человеческая не жизнь, а животное существование, нет никакого признаваемого всеми высшего закона, объясняющего смысл человеческой жизни, и вытекающего из него руководства поведения.

Удивительное дело, именно вследствие высоты, истинности и приложимости к жизни христианского религиозного учения люди, принявшие его, остались без всякого, какого бы то ни было, религиозного учения!

Христианское учение было принято людьми, живущими в обществах, соединенных только насилием, угрозой всякого рода казней против тех, кто бы захотел не подчиняться существующему насилию, и потому понятно, что сущность христианского учения, предлагавшего замену насилия любовью (а только в этом было и есть сущность христианства), не могла быть принята, но должна была быть не только старательно скрыта, но скрыта так, чтобы само христианское учение, отрицающее всякое насилие, сделалось бы оправданием, опорой, утверждением всякого насилия.

И это кажущееся при первом взгляде невозможное дело было однако сделано. Учение любви, всепрощения, воздаяния добром за зло было ее только соединено, но делалось оправданием существования войск, войн, патриотизма, судов, тюрем, казней, земельной собственности и всякого рода насилий. Бесчисленное количество богословов и ученых потрудились над этим, казавшимся невозможным, трудным делом. И дело было сделано. Вместо простого, ясного христианского учения любви, отвечающего на требования души каждого человека, возникло сложное, одинаково в католичестве, православии и протестантстве хитросплетенное здание богословских и научных софизмов с своими торжественными обрядами и бессмысленными догматами, не имеющими в себе никакого внутреннего содержания, но зато достигающими двоякой цели, поставленной себе властвующими классами: одной цели в том, чтобы скрыть истинное значение христианства, другой – в том, чтобы дать людям взамен христианства нечто подобное ему. И одно время обе цели были вполне достигнуты: люди не видели истинного значения христианства и слепо верили в выдуманную веру, в церковь, в папу, в догматы, таинства, искупление, мощи, иконы, библию и, довольствуясь этой идолопоклоннической, грубой верой, покорно подчинялись властвующим классам. Так это продолжалось долгое время, но с развитием просвещения выдуманная вера эта все слабее и слабее воспринималась людьми, и наконец наступило время, когда люди увидели

всю бессодержательность и внутренние противоречия этой веры и стали все более и более освобождаться от нее. Освобождаясь же от церковной веры, люди освобождались и от христианства, которое так было искусно сплетено с церковной верой, что, освободившись от церковности, они невольно освобождались и от христианства в его истинном смысле. И сделалось то, что огромное большинство христианского мира, в особенности так называемые интеллигентные классы, освободившись от лжи церковной веры, остались в самом неестественном для человека положении: без всякой веры, без всякого объяснения смысла жизни и общего, вытекающего из понимания жизни, руководства поведения.

В таком положении находится огромное большинство всех достаточных классов христианского мира и в особенности в России. Большинство людей тех классов, которые, как революционеры, так и правительственные люди, хотят и думают руководить народом, ни во что не верят, не признают никакого иного понимания смысла жизни, кроме грубого, животного эгоизма или тщеславия. Разница между теми и другими только в том, что революционеры признают свое неверие, даже хвастаются им, правительственные же деятели хвастаются тем, что верят в то, во что уже нельзя верить.

Это—то отсутствие всякой какой бы то ни было веры как в людях, борющихся с правительством, так и в людях, составляющих правительство, проявляется в самых разнообразных явлениях и в особенности резко теперь в отношении нашего русского интеллигентного общества к смертной казни.

В Думе члены выступают против смертной казни, но выступают они против нее не во имя каких-либо религиозно-нравственных основ, а только потому, что казнь противна прогрессу, что в передовых странах она все меньше и меньше применяется, и потому, что отрицание смертной казни есть сильный козырь против враждебных партий. Казалось бы, самый простой, естественный и неотразимый довод против смертной казни был бы довод религиозный, о том, что смертная казнь несовместима с тем христианством, которого исповедниками признают себя защитники казни. Но либералы не могут воспользоваться этим доводом, во первых потому, что они сами не признают никакой религии и всякую религию считают остатком невежества и суеверия, во вторых потому, что они смутно чувствуют, что настоящее христианство должно отрицать всякое насилие. Необходимость же насилия — хотя и для противоположных целей — они признают так же, как и их противники. Противники же их, считающие себя религиозными людьми, т.-е. исповедующими мнимо-христианскую религию, исправленную и духовными, и гражданскими толкователями в роде Г-на С-на, считают смертную казнь до такой степени необходимым условием христианской жизни, что избавление людей от смерти, казалось бы обязательное для всякого человека, могущего совершить это избавление, представляется таким людям каким-то особенным подвигом. Так, в то время, когда я дописывал эту статью, в газетах появилось известие о том, что русский царь, как он выразился, «даровал жизнь» этим приговоренным 32 человекам. И известие это о том, что человек, который, имея возможность спасти от смерти тысячи людей, приговоренных к казни, в продолжение нескольких лет не делал этого, и только теперь, по ужасу перед приговором за раз тридцати двух людей, сделал это по отношению

одной сотой тех, которые были убиты по его желанию «или с его согласия, известие это вызвало среди людей, называющих себя христианами, не ужас и отвращение к этому несчастному, заблудшему человеку, а величайшие восхваления и восторги.

Да, главное бедствие наше не в деспотизме, не в ничтожности и жестокости и глупости людей, стоящих во власти, не в озлобленности революционеров, не в бедности народа, а в одном: в отсутствии религии у одних и в притворстве или самообмане других.

Одни, либералы, революционеры, воображают, что люди могут жить без религии и что у них нет религии, тогда как у них есть очень односторонняя, мелкая и ограниченная, неопределенная – чтобы не сказать глупая, религия, которую они называют наукой. Другие же, правительственные люди, охранители, воображают, что у них есть религия, тогда как у них нет никакой, а есть только тот церковный обман, который нужен им только для того, чтобы не потерять свою власть над обманутым народом.

Ты, консерватор, предписываешь казни, участвуешь в них, оправдываешь их, потому что ты озабочен благом общества. То же говоришь и ты, революционер, устраивая свои взрывы, убийства, экспроприации. Но ведь вы оба ошибаетесь и только обманываете людей и часто самих себя. Ведь, во-первых, излюбленное тобою устройство жизни не может быть несомненно истинным (так же уверены другие); во-вторых, никогда не осуществляется то устройство, которое хотят установить люди, а совершается большей частью совершенно противоположное, в третьих, всякое насилие, а потому и то, которое вы считаете себя в праве употреблять, никак не содействует, а, напротив, всегда противодействует всякому благоустройству, и в четвертых, главное, ваше призвание в этой жизни, которая всякую минуту может прекратиться, никак не может быть ни в том, чтобы удержать существующее устройство, ни в том, чтобы установить то или другое общественное устройство, а может быть только в исполнении своих человеческих обязанностей перед Богом или перед своей совестью, если вы не признаете Бога.

И ты, человек, всякую минуту могущий умереть, не находишь ни его лучшего, как то, чтобы употребить твою жизнь на то, чтобы посредством насилий, убийств осуществлять или поддерживать излюбленное тобою общественное устройство, которое для твоей души, для исполнения твоего истинного назначения жизни совершенно не нужно.

И потому, кто бы ты ни был: царь, террорист, палач, лидер какой-либо партии, солдат, профессор, кто бы ты ни был, вопрос для тебя только один: какие твои обязанности главнее и какими для каких ты должен пожертвовать: обязанностями ли члена государства, народа, революционной партии, или обязанностями человека, члена всего настоящего, прошедшего и будущего человечества? Свойственно ли тебе, разумному существу, человеку, с злобой, раздражением и часто отчаянием употреблять твою, всякий час могущую исчезнуть, жизнь на дела насилия и убийства, во имя предполагаемого тобой наилучшего устройства, или, напротив, независимо от всякой заботы, о том или

другом устройстве, ставя выше всего свое человеческое достоинство, употреблять свои силы на согласные с твоей совестью дела добра и любви, которые сейчас, вполне удовлетворяя тебя, вместе с тем неизбежно приближают и все человечество не к тому фантастическому благу людей, которое каждый определяет по-своему, а к тому несомненному, хотя и неясному нам по своей форме благу, к которому не переставая стремится человечество?

Да, положение теперешнего христианского человечества ужасно. Одно утешение то, что оно так ужасно, что не может долгие продолжаться. Не могут же люди не признать наконец ту вечную, хотя и смутно, но всегда сознаваемую каждым человеком истину о том, что людям свойственно жить не насилием, не угрозами, не убийствами, а любовью, и, сознав эту истину, не могут же не изменить сообразно ей свою деятельность. Изменение же деятельности само собой, хотя мы и не знаем как, изменит и устройство жизни людей. Да, люди не могут не сделать этого! Не могут потому, что жизнь можно изменить по сознаваемой истине, истину же нельзя изменить по той форме жизни, которая нам нравится. Тем более нельзя, что люди христианского мира уже несколько столетий пытаются делать это, и все попытки такого извращения истины и продолжения прежней жизни ведут только к все большему и большему бедствиям и к все большему и большему уяснению истины.

2 Янв. 1909.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

ВАРИАНТЫ СТАТЬИ «СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ХРИСТИАНСТВО».

* № 1.

Не могу молчать, и не могу и не могу. Никто не слушает того, что я кричу, о чем умоляю людей, но я все-таки не перестаю и не перестану обличать, кричать, умолять все об одном и том же до последней минуты моей жизни, которой так немного осталось. Умирая буду умолять о том же. О том же пишу в другой форме только, чтобы хоть как-нибудь дать выход тому смешанному, мучительному чувству: сострадания, стыда, недоумения, ужаса, и, страшно сказать,

негодованія, доходящаго иногда до ненависти, которое я не могу не признавать законнымъ, потому что знаю, что оно вызывается во мнѣ высшей духовной силой, знаю, что я долженъ, какъ могу, какъ умѣю выражать его.

Я поставленъ въ ужасное положеніе. Самое простое, естественное для меня было бы высказать злодѣямъ, называющимъ себя правителями, всю ихъ преступность, всю мерзость ихъ, все то отвращеніе, которое они вызываютъ теперь во всѣхъ лучшихъ людяхъ и которое будетъ въ будущемъ общимъ сужденіемъ о нихъ, какъ о Пугачевыхъ, Стенькахъ Разиныхъ, Маратахъ и т. п. Самое естественное было бы то, чтобы я высказалъ имъ это, и они также, какъ они поступаютъ со всѣми обличающими ихъ, послали бы ко мнѣ своихъ одуренныхъ, подкупленныхъ служителей, которые схватили бы меня, посадили бы въ тюрьму, потомъ сыграли бы надо мной ту мерзкую комедію, которая у нихъ называется судомъ, потомъ сослали на каторгу, избавивъ меня отъ того свободнаго положенія, которое среди тѣхъ ужасовъ, которые совершаются кругомъ меня, такъ невыносимо тяжело мнѣ.

И я дѣлалъ все то, что я могъ, для того чтобы достигнуть этой цѣли. Можетъ быть, если бы я участвовалъ въ убійствѣ, я бы достигъ этого. Но этого я не могу. Все же, что

[2] дѣлаю противъ нихъ, называю ихъ царя самымъ отвратительнымъ существомъ, безсовѣстнымъ убійцей, всѣ ихъ законы божьи и государственные гнусными обманами, всѣхъ ихъ министровъ, генераловъ жалкими рабами и наемными убійцами, все это мнѣ проходитъ даромъ, и я остаюсь жить среди теперешняго общества, основаннаго на самыхъ гадкихъ преступленіяхъ, невольно чувствуя себя солидарнымъ съ ними. Ставить меня въ это положеніе отчасти мой возрастъ, главное же та пошлая извѣстность, которая меня постигла, благодаря глупымъ пустымъ побасенкамъ, которыми я когда-то забавлялся и забавлялъ людей.

Въ этомъ трагизмъ моего положенія: они не берутъ и не казнятъ меня, а если они не казнятъ меня, то я мучаюсь гораздо хуже всякой казни тѣмъ положеніемъ участія въ ихъ гадостяхъ, въ которомъ я нахожусь. Остается мнѣ одно: всѣми силами стараться заставить ихъ вывести меня изъ этого положенія. Это я и дѣлаю этимъ рассказомъ и буду дѣлать. Буду дѣлать тѣмъ болѣе, что то, что можетъ заставить ихъ взять меня, вмѣстѣ съ тѣмъ и достигаетъ другой цѣли: ихъ обличенія.

Вѣдь лучше вѣрить въ Перуна, въ кого хотите, но только точно вѣрить, чѣмъ утверждать, что вѣришь въ какого то Христа, изъ ученія котораго намъ важнѣе и памятнѣе всего того, что онъ сказалъ, то, что есть два меча, довольно, и что какъ добрый урядникъ взялъ кнутъ и сталъ стегать имъ кого попало и теперь еще новое драгоцѣнное для разбойниковъ изрѣченіе то, что онъ не только не отрицалъ убійства, но упрекалъ людей за то, что они не примѣняютъ его.

* № 3.

казалось бы торжественное выраженіе негодованія передъ такимъ сквернымъ надругательствомъ надъ всѣмъ, что всегда было и есть святого для человѣка, казалось бы также странно и даже смѣшно какъ торжественное заявленіе негодованія передъ всенародно совершаемымъ мужеложствомъ или изнасилованіемъ дѣтей. На такіе поступки и на совершителей ихъ можно смотрѣть только съ отвращеніемъ, ужасомъ и состраданіемъ, а никакъ не заявлять имъ, что они дурно поступаютъ, и доказывать имъ неприличіе такихъ поступковъ.

* № 4.

Жизнь можетъ итти болѣе или менѣе порядочно въ Китаѣ, въ Японіи, въ магометанскихъ странахъ, тамъ есть <хоть какая нибудь> религія, ученіе жизни, въ которое вѣрятъ люди. У насъ нѣтъ никакого, если не считать того грубаго полуидолопоклонническаго вѣрованія, которое доживаетъ свои послѣднія времена въ безграмотномъ народѣ.

* № 5.

Ставить меня въ это положеніе отчасти мой возрастъ. По ихъ законамъ можно вѣшать женщинъ, дѣтей, но почему нельзя вѣшать людей, достигшихъ 80 лѣтъ?

* № 6.

Въ Сициліи землетрясеніе совершилось, у насъ оно готовится. – Тамъ люди ничего не могли сдѣлать. Здѣсь же все въ насъ самихъ.

Неужели мы не опомнимся?

* № 7.

Новое кощунство, совершенное Г–номъ С–номъ, дастъ имъ новый козырь въ руки и еще дѣлаетъ казалось бы самое невозможное, дѣлаетъ изъ ученія Христа учені[e] ненависти, злобы, всяческаго разврата.

* № 8.

Не могу молчать я главное потому что меня не ссылаютъ, не сажаютъ въ тюрьму, <не высылаютъ,> вообще не дѣлаютъ надо мной тѣхъ насилій, которыя дѣлаютъ надъ моими друзьями и часто именно за мои книги. Меня это ставить въ такое исключительное положеніе, при которомъ я чувствую себя обязаннымъ не переставая говорить, обличать тѣхъ[3] людей, которые все смѣлѣе совершаютъ свои злодѣянія, чувствую себя обязаннымъ обличать ихъ до тѣхъ поръ пока они не поставятъ меня тѣмъ или инымъ способомъ въ невозможность обличать ихъ.

* № 9.

Одно, на что я могу надѣяться, чтобы избавиться отъ тяжести моего положенія, это то, что они – какъ это свойственно ихъ дѣятельности, подошлютъ тайныхъ убійць, чтобы прекратить все таки хоть немножко непріятные имъ мои вопли. До тѣхъ поръ, пока это не случилось, [4] я не перестану кричать, писать, печатать гдѣ могу, въ тайныхъ типографіяхъ и за границей все о томъ же и о томъ же. Съ этой цѣлью я и началъ письменную работу, которая должна была обличить всю преступность дѣятельности вѣшателей, но не успѣлъ кончить, когда это письмо студента съ вырѣзкой статьи С–на заставило меня, отложивъ ту

работу, высказать сейчас же <то, что считаю нужным> по случаю этой поразительной статьи, съ особенной яркостью выставяющей сущность того ужаснаго положенія, въ которомъ находятся въ наше время люди такъ называемаго христіанскаго міра.

* № 10.

Оно и не могло быть иначе. Какъ ни старались и древніе и новые богословы, (въ томъ числѣ и Г-нъ С-нъ превосходя въ дерзости, наглости и безсовѣстности всѣхъ своихъ предшественниковъ), несовмѣстимое остается несовмѣстимымъ.

* № 11.

Послѣ напечатанія <этого кошунства> статьи Г-на С-на въ Новомъ Времени прошло 5 дней и ни въ одной газетѣ не было даже упоминанія объ этомъ ужасномъ кошунствѣ. Нѣтъ болѣе явнаго доказательства полнаго отсутствія какого бы то ни было религіознаго чувства въ нашемъ обществѣ.

Еще яснѣе это выражается въ печати.

Мало этого ученая профессорская Московская газета, возражая на мою статью о присоединеніи къ Австріи Босніи и Герцеговины, гдѣ я говорю о непротивленіи, не находитъ ничего лучшаго въ защитѣ насилія какъ то самое <ложное> толкованіе мѣста объ изгнаніи изъ храма, которое употребляется для своихъ цѣлей всѣми насильниками другъ противъ друга.

* № 12.

и что хуже, чѣмъ отсутствіе ея – притворствѣ или самообманѣ однихъ, что она есть у нихъ такая, которую разъясняютъ имъ разные Антоніи и Столыпины, и другихъ, что они знаютъ такую науку, при которой не нужно никакой религіи, а стоитъ только справляться по послѣднимъ европейскимъ книжкамъ и событіямъ и тоже самое думать и дѣлать у насъ.

* № 13.

Да, одно и одно хотѣлось бы сказать всѣмъ какъ разрѣшающимъ, поощряющимъ и предписывающимъ убійства разнымъ – Гершельманамъ, Столыпинымъ, Романовымъ, а также и всѣмъ и разрѣшающимъ и совершающимъ убійства революціонерамъ, въ особенности тѣмъ жалкимъ, губящимъ свои души людямъ, которые, не понимая того, что они дѣлаютъ, страшно выговорить, торжественно, не скрывая этого, но какъ будто гордясь этимъ, въ Думѣ или въ своихъ революціонныхъ фракціяхъ, бюро, комитетахъ оправдываютъ, предписываютъ, восхваляютъ убійства, и что хуже всего какъ Г-нь С-нь оправдываетъ его Евангелиемъ. Хотѣлось бы сказать одно короткое относящееся къ каждому, кто бы онъ ни.былъ, человѣку разсужденіе, опроверженіе котораго я никогда не слыхалъ и никогда не услышу, потому что оно невозможно, а между тѣмъ разсужденіе это таково, что разрѣшаетъ всѣ кажущіеся столь неразрѣшимыми и всѣ мучающіе насъ, производящіе такіе ужасы, страданія, вопросы. Разсужденіе это слѣдующее:

* № 14.

И отвѣтъ ясенъ. Онъ не всегда приходитъ въ голову только потому, что онъ слишкомъ простъ и очевиденъ и уличаетъ почти каждого изъ насъ. Отвѣтъ въ томъ, что есть люди, которые увѣрены въ томъ, что они знаютъ, въ чемъ состоитъ наилучшее общественное устройство человѣческой жизни и, зная въ чемъ это наилучшее устройство, считаютъ себя въ правѣ насиловать людей – а насиліе не бываетъ безъ угрозы смерти и исполненія ея – для достиженія или поддержанія этого наилучшаго устройства.

Наилучшаго устройства? Какого? Такихъ наилучшихъ устройствъ противоположныхъ одно другому всегда одновременно десятки. И, удивительное дѣло, сторонники такихъ устройствъ монархическихъ, республиканскихъ, конституціонныхъ, социалистическихъ, коммунистическихъ, анархическихъ и другихъ считаютъ себя одинаково въ правѣ употреблять другъ противъ друга тѣже приемы насилія, неизбѣжно ведущіе къ убійству, которые употребляютъ противъ этихъ сторонники другихъ устройствъ.

* № 15.

Можешь понять и изъ того, что люди столь же ученые и умные, какъ и ты, съ такой же увѣренностью, какъ и ты, утверждаютъ, что ты заблуждаешься, а они правы, можешь понять и изъ того, что исторія показываетъ тебѣ, что не только никогда не осуществлялось то устройство, которое стремились установить люди, но почти всегда устанавливалось противное. Яснѣе же всего можешь понять это изъ своего внутренняго сознанія, которое говоритъ тебѣ, что ты не имѣешь права устраивать ничью жизнь кромѣ своей и что то насиліе, которое ты не можешь не употреблять или хотя допускать, противно твоей душѣ и вызываетъ только такое же насиліе. Что же тебѣ дѣлать, если ты точно руководимъ желаніемъ служенія не одному себѣ, а и людямъ? Одно: не предполагая впередъ то устройство, которое тебѣ кажется наилучшимъ, предоставить этому устройству сложиться самому изъ тѣхъ качествъ, которыя свойственны людямъ даннаго времени, зная, что чѣмъ лучше будутъ эти качества, тѣмъ лучше будетъ устройство. Содѣйствовать же этому наилучшему устройству ты можешь только тѣмъ, чтобы въ себѣ воспитать наилучшія качества, а также насколько возможно и въ другихъ людяхъ. Воспитаніе же въ себѣ добрыхъ качествъ очевидно достигается никакъ не борьбой и убійствами, а обратной, наиболѣе свойственной всѣмъ людямъ дѣятельностью – любовью.

* № 16.

человѣкъ, т. е. существо поставленное въ такое положеніе, что во всякомъ случаѣ имѣя передъ собой самое большее – полстолѣтіе, ты всякій часъ можешь исчезнуть навсегда изъ этой жизни. <Устройство же жизни людей не только не можетъ зависѣть отъ твоей воли, но ты не можешь знать, въ чемъ должно бы состоять это наше лучшее устройство – не можешь знать, потому что десятки людей, признаваемые тобою же умными и образованными, считаютъ наилучшими десятки различныхъ устройствъ не только не согласныхъ, но противоположныхъ и вотъ> Что же тебѣ дѣлать, находясь въ этомъ положеніи? что тебѣ дѣлать, на что положить всѣ силы своей жизни и чего избѣгать, чтобы вмѣсто того блага себѣ и другимъ, для котораго была дана тебѣ жизнь, не погубить ее напрасно? Что тебѣ дѣлать?

* № 17.

Отвѣтъ въ томъ, что все произошло отъ того, что началась революція. <Революція. Что такое революція?> Что же такое революція? Революція это то, что явились такіе люди, которые, полагая, что они навѣрное знаютъ, въ чемъ состоитъ наилучшее общественное устройство, желаютъ ввести это устройство въ жизнь людей и для этой цѣли считаютъ себя въ правѣ употреблять всякаго рода насилія до убійства включительно, тогда какъ другіе люди, полагая наилучшимъ устройствомъ то, какое существуетъ, желаютъ удержать это устройство и для удержанія его считаютъ себя въ правѣ употреблять такое же насиліе и всякаго рода истязанія и убійства.

* № 18.

Глядишь теперь въ Россіи на всѣ эти бомбы, тюрьмы, каторги, цѣпи, разстрѣлы, висѣлицы, экспроприаціи, всякаго рода убійства, главное на то ужасное развращеніе людей, при которомъ самый первобытный, грубый грѣхъ убійства считается уже не грѣхомъ, а подвигомъ, и спрашиваешь себя: гдѣ причина этихъ ужасовъ, этого на нашихъ глазахъ происшедшаго въ послѣдніе 3–4 года озвѣрчія людей? И отвѣтъ одинъ: причина революція, т. е. появленіе среди извѣстнаго общественнаго устройства, поддерживаемаго насиліемъ, людей, не признающихъ законности этого насилія и употребляющихъ противъ него такое же насиліе, включающее въ себя, какъ и всякое насиліе, неизбѣжное условіе убійство.

Теоретическое основаніе всякой революціи состоитъ въ томъ, что тогда какъ тѣ люди, которые находятся у власти, увѣрены въ томъ, что знаютъ, въ чемъ наилучшее устройство жизни людей, другіе люди точно также увѣрены въ томъ, что это признаваемое одними людьми устройство не есть таковое, наилучшее же устройство жизни есть совершенно другое. И потому казалось бы ясно, что главная причина бѣдствій, происходящихъ отъ революціи, въ томъ, что во 1–хъ полагаютъ, что они могутъ навѣрное знать, въ чемъ наилучшее устройство жизни людей, тогда какъ они не могутъ знать этого, что очевидно по одному тому, что люди, считающіеся одинаково умными и образованными, съ одинаковой увѣренностью признаютъ за наилучшія устройства жизни устройства, прямо противоположныя одни другимъ (монархическія, республиканскія, конституціонныя, социалистическія, комунистическія, анархическія и др.), и во 2–хъ въ томъ, что для достиженія своихъ противоположныхъ цѣлей люди употребляютъ одно и то же средство насилія, вызывающее всегда насиліе съ противоположной стороны и потому никакъ не могущаго улучшить общественное устройство, а всегда только неизбѣжно ухудшающее его.

Казалось бы положенія эти такъ очевидны, что мыслящему человѣку,

будь онъ консерваторъ или революціонеръ, нельзя уже защищать и оправдывать свою насильническую дѣятельность соображеніями объ общемъ благѣ людей. Понятно, что человекъ можетъ для своихъ личныхъ цѣлей, будь онъ революціонеръ или консерваторъ, можетъ, какъ животное, ради интересовъ своей личности (интересы эти могутъ быть болѣе или менѣе отвлеченные, интересы тщеславія, задора, упорства, славолюбія, но всетаки личные), можетъ защищать себя насиліемъ, но приводитъ въ оправданіе насилія какія либо высшая, духовныя, нравственный цѣли уже казалось бы невозможно.

Ясная Поляна, 30 Января 1909 г.

Комментарии Б. М. Эйхенбаума

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ХРИСТИАНСТВО

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ.

21 декабря 1908 г. Н. Н. Гусев записал в своем дневнике: «Вчера вечером Л. Н., читая полученные письма, взволнованный вышел в столовую и попросил меня найти № «Нового Времени» от 18 декабря. Когда я нашел и подал ему, он отыскал в этом № статью «Заметки» А. Ст — на и попросил меня прочесть ее вслух. В этой статье говорится о том, что напрасно думают, что Христос запретил смертную казнь: он не только не запретил, но узаконил ее. Эту мысль автор статьи доказывает текстами из евангелия. Оказалось, что Л. Н. получил письмо от петербургского студента, [5] приложившего вырезку этой статьи и спрашивающего о том, что Л. Н. о ней думает. Все так же взволнованный, Л. Н. ушел к себе и написал письмо студенту и автору статьи. А сегодня утром, возвратясь с прогулки, он продиктовал мне начало новой статьи, вызванной заметкой «Нового Времени». («Два года с Л. Н. Толстым», изд. «Посредник». М. 1912, стр. 231.)

Заметка в «Новом Времени» (1908 г. К? 11772 от 18 декабря) была написана Александром Аркадьевичем Столыпиным, сыном друга Толстого по Севастополю (А. Д. Столыпина) и братом тогдашнего министра П. А. Столыпина, журналистом и постоянным сотрудником газеты «Новое время».

1908 год отличался особенным количеством смертных казней — и Толстой ответил на них статьей «Не могу молчать». С этой статьей связан и

ответ на «Заметки» Столыпина, подготовлявшие общество к новому массовому смертному приговору. Именно 18 декабря 1908 г. (когда появилась статья Столыпина) в Екатеринославе заканчивался суд по делу «о захвате революционерами Екатерининской железной дороги». Под этим заглавием разумелось забастовочное движение железнодорожных рабочих, охватившее в декабре 1905 г. Донецкий бассейн (Гришино, Горловка и др.). После ликвидации забастовки («Горловский бой») к делу было привлечено около 300 человек, но предварительное следствие затянулось. Только 7 ноября 1908 г. Одесский военно-окружной суд начал в Екатеринославе разбирательство этого дела, окончившееся 19 декабря объявлением смертного приговора 32 человекам (из общего числа 131). По этому поводу в Государственную думу был внесен запрос правительству; правые и октябристы отклонили его. Лидеры октябристов (М. В. Родвянко и П. В. Каменский, депутаты от Екатеринославской губ.) стали хлопотать об облегчении участи осужденных. 1 января 1909 г. Николай II наложил резолюцию: «Даровать жизнь, смягчить участь». Однако восемь человек из приговоренных тридцати двух, «не обращавшиеся к милосердию монарха», были все же повешены 4 сентября 1909 г. (см. книжку С. Анисимова – «Восстание в Донецком бассейне», М. 1929). 20 декабря 1908 г. Толстой написал письмо Л. А. Арсеньеву, приславшему вырезку из «Нового времени». Письмо кончается словами: «На статью же Столыпина можно ответить только одним словом: «Стыдно», что и написал ему». Действительно, в этот же день Толстой написал короткое письмо А. А. Столыпину: «Прочел то, что вы написали 18 декабря. Стыдно, гадко. Пожалейте свою душу. Я любил вашего отца, и мне больно за вас» (см. т. 78). На другой день, 21 декабря, Толстой начал писать ответную на «Заметки» Столыпина статью и писал ее до конца года.

2 января Н. Н. Гусев записал: «Сегодня Л. Н. закончил статью «Христианство и смертная казнь», вызванную заметкой А. С—на в «Новом времени». («Два года с Л. Н. Толстым», изд. «Посредник». М. 1912, стр. 235). Как видно по дате на обложке рукописи № 9, последняя редакция статьи была собрана и отделана 18 января 1909 г. В этот день Толстой записал в дневнике: «Нынче написал только маленькую прибавку к статье о Ст—не, прибавку о царе, с тайной целью вызвать против себя гонения» (см. т. 57). Эта прибавка была сделана в связи с известием о «помиловании» приговоренных.

Впервые статья появилась в газете «Новая Русь» 1909 г., № 57 от 28 февраля, с большими цензурными пропусками. В том же году она вышла отдельной книжкой в издании И. Ладыжникова (Берлин), под заглавием «Смертная казнь и христианство». Между последней рукописью и печатным текстом есть некоторые различия, указывающие на промежуточную между этими моментами авторскую правку.

В настоящем издании статья печатается по заграничному изданию (И. Ладыжникова) с исправлениями погрешностей по автографам. Письмо к А. А. Столыпину цитируется по копии (местонахождение автографа неизвестно). Одна из его черновых хранится в Национальном музее в Праге; фотокопия с нее находится в Литературном музее в Москве.

Стр. 42, строка 17. «Либеральная профессорская* газета»... Толстой имеет в виду редакционную статью, помещенную в московской газете

«Русские ведомости» 7 декабря 1908 г. по поводу статьи Толстого «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии», выдержки из которой были напечатаны в том же № «Русских ведомостей». Газета писала: «Маститый писатель воспользовался вопросом о Поении и Герцеговине, чтобы повторить сущность своего учения о непротивлении злу. Он предлагает сербам, как и всем людям вообще, освободиться от фикции государства, отечества, народности, ото всего, что порабощает и разъединяет людей и объединиться в следовании вечному и неизменному закону любви и свободы. Свою проповедь Л. Н. подтверждает учениями великих мудрецов и основателей религий; онъ основывается особенно на учении Иисуса Христа, хотя он борот из этих учений только то, в чем видит высшую истину, и игнорирует, считает неважным и неистинным всё другое, что не вяжется с его миропониманием. Толстой игнорирует, напр., такой факт Св. Писания, что сам Христос прибегает к силе, нагнав торговцев из храма».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

В Рукописном отделении ГТМ (АЧ, папка 119,2) хранятся следующие рукописи статьи «Смертная казнь и христианство»:

№ 1. Автограф. 7 лл. разного формата (почтовой и обыкновенной писчей бумаги). Текст на обеих сторонах. На л. 1 сверху рукой Толстого: «22 Дек. 1908. Вариант начала». Начало: «3-го дня получилъ слѣдующее письмо».... На обороте последнего листа внизу рукой Толстого: «(За этимъ предисловіе)». На обложке рукой Н. Н. Гусева (синим карандашом): «(0 смертных казнях) 22 XII 08».

Из этой рукописи даем варианты №№ 1–4 и 6.

№ 2. Машинопись – разрозненная копия с № 1. 15 лл. разного формата. Много авторской правки и новых вставок. Лист 3 (с пагинацией 2) представляет собой машинную копию с предисловием к рассказу «Убийцы». Текст этого листа почти весь зачеркнут и заменен новым. Конец: «...даже признаваемое за достоинство отсутствіе всякой вѣры».

Из этой рукописи даем вариант № 9.

№ 3. Машинопись – разрозненная копия с № 2. 8 лл. (6 л. обыкновенной писчей бумаги 4° и 2 срезка). Начало: «Но то, что я написал... : Конец: «...только къ все большимъ и большимъ бѣдствіямъ». Много новой авторской правки. На оборотах листов 1,5 и 8 новые автографы–вставки. На обороте последнего листа рукой Толстого: «24 Дек. 1908. Левъ Толстой».

Из этой рукописи даем варианты №№ 5 и 10.

№ 4. Машинопись – разрозненная копия с № 3. 8 лл. (6 л. обыкновенной писчей бумаги 4° и 2 срезка). Начало: «Въ этой газетѣ описывается,

какъ»... Конец: «...Мало этого ученая (на 3-й стр. отчеркнутое краснымъ»). Много авторской правки.

Из этой рукописи даем варианты №№ 7 и 11.

№ 5. Машинопись – разрозненная копия с № 4. 19 лл. разного формата. Начало: «22 декабря 1908 г. Третьего дня получилъ»... Конец: «...христіанскаго міра уже нѣсколько столѣтій». Много новой авторской правки – в том числе новый автограф, начинающийся: «Не могу молчать я главное»... и кончающийся: «въ невозможность обличать ихъ».

Из этой рукописи приводим варианты №№ 8 и 12.

№ 6. Новый автограф–вставка, начинающийся словами: «Да, одно и одно хотѣлось бы сказать всѣмъ» ... и кончающийся: «... къ к-ому не переставая подвигается». 12 лл. разного формата, с пагинацией рукой Толстого: 1–11 (цифра 2 ошибочно повторена дважды).

Здесь же машинная копия с этого автографа. 4 лл. с поправками и вставками (последний лист – в следующей копии). На обложке рукой II. IL Гусева: «(0 смертных казнях) 31/XII 08».

Из этой рукописи мы публикуем варианты №№ 13–17.

№ 7. Машинопись – копия с некоторых листов копий № 5 и № 6, 11 лл., из которых 3–4°, остальные срезки. На обложке рукой Н. Н. Гусева: «(0 смертных казнях) 1/I 09».

Отсюда мы извлекаем вариант № 18.

№ 8. Машинопись – копия с некоторых листов копии № 7. 5 лл. 4°. Под текстом дата рукой Толстого: «2 Янв. 1909». На обложке рукой Н. Н. Гусева: «(0 смертных казнях) 2/I 09».

№ 9. Машинопись – копия, собранная из заново переписанных листов и из прежних, передвинувшихся сюда; 33 л. (4° и срезки). Полный текст. Первоначальная пагинация: 1–22. Последние 3 листа – вставка к листу с пагинацией 14 (автограф и копия), на обложке которой рукой Н. Н. Гусева написано: «(0 Столыпине) 18/I 09».

Отсюда–вариант № 19, не вычеркнутый, но в печатный текст не вошедший.

Кроме того сохранились 4 обложки, в которых раньше находились рукописи, с пометками: 1) рукой Н. Н. Гусева: «(0 смертных казнях) 23/XII 08»; 2) рукой Н. Н. Гусева: «(0 смертных казнях) 24/XII 08»; 3) рукой А. Л. Толстой: «Черновики 25 Дек. 1908 года. Статья по поводу Смертной казни г–на Ст–на»; 4) рукой А. Л. Толстой: «Черновые статьи о смертной казни 26 Дек. 1908 года».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ.

В состав тридцать восьмого тома входят последние произведения Толстого, написанные им в 1909–1910 гг. Том заканчивается статьей «Действительное средство», над которой Толстой работал уже после ухода из Ясной поляны – в Оптиной пустыни, за несколько дней до своей смерти (последняя дата – 29 октября 1910 г.).

В настоящий том входят как художественные, так и теоретические произведения Толстого. Художественные произведения были опубликованы после смерти Толстого (в России – в издании А. Л. Толстой, с цензурными купюрами, за границей – в издательстве «Свободное слово» (издатель И. Ладыжников) полностью) – за исключением очерков «Благодарная почва» и «Три дня в деревне», которые появились в печати еще при жизни Толстого. Проверка этих произведений по сохранившимся автографам привела к исправлению многочисленных ошибок, сделанных переписчиками и не замеченных Толстым (см., например, финал комедии «От ней все качества»). Рассказ «Ходынка» печатался до сих пор без последних заключительных строк, автограф которых только теперь был найден в другой рукописи. Среди вариантов, относящихся к произведениям этого отдела, особого внимания заслуживают варианты комедии «От ней все качества», не только дающие картину сложной работы Толстого, но и дополняющие текст комедии очень существенными и интересными деталями.

Что касается статей и статей-писем, входящих во второй отдел тома, то некоторые из них появляются здесь впервые: «О Вехах», «О ругательных письмах», «По поводу статьи Струве», «Письмо в «Русь» с ругательными письмами», «О безумии» и «О социализме». Одни из этих статей не были посланы в печать потому, что Толстой считал их слишком резкими или ненужными, другие остались незаконченными. Остальные статьи печатались частью еще при жизни Толстого, частью – после его смерти (в заграничных изданиях и в 12-м издании сочинений Толстого, 1911 г.). В этих статьях содержатся отклики на все главные события общественной жизни 1909–1910 гг., но особое внимание уделено в них двум темам: вопросу о «неизбежном перевороте», который должен произойти в современном цивилизованном мире (а в связи с этим – вопросу о государстве), и вопросу об интеллигенции, науке, воспитании и пр. Здесь Толстой подводит итоги своим давнишним мыслям, теориям и взглядам. Характерно, что многие из этих статей являются ответами на полученные Толстым письма: отвечая авторам этих писем, Толстой выходил за пределы обыкновенного частного письма и превращал ответ в статью, предназначенную для печати. Таковы, например, статьи: «Письмо революционеру» (Вруцевичу), «Письмо студенту о праве» (Крутику), «О воспитании» (В. Ф. Булгакову), «О науке» (крестьянину Ф. А. Абрамову), «Ответ польской женщине» (имя адресата неизвестно), «О безумии» (выросло из ответа на письмо Р. С. Лабковской). Остальные статьи были вызваны газетными сообщениями, журнальными статьями, книгами, приглашениями на съезды, посещениями корреспондентов и разными событиями этих лет. Отметим, наконец, что

в последние годы жизни Толстой неоднократно получал анонимные ругательные письма, наполненные проклятиями и угрозами за его «революционное» и антицерковное учение. Он собирался ответить на них письмом в газеты, но, написав, признал такое выступление излишним.

Ряд подробностей и фактических данных, относящихся к истории писания Толстым входящих в этот том произведений, сообщили Н. Н. Гусев, Н. С. Родионов и К. С. Шохор–Троцкий.

Указатель собственных имен составлен М. М. Чистяковой.

А. И. Никифоров.

Б. М. Эйхенбаум.

В. С. Шохор–Троцкая.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, не печатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. аббревиатуры) типа «кый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы

без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что не вошло ни в одно собрание сочинений Толстого и **** – что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации.

Фототипия с фотографического портрета Толстого 1909 г. (размер подлинника) между XI и 1 стр. стр.

Примечания

1

Не говоря уж о том, что в древнем законе не говорится о смертной казни, а о простой смерти, ни о том, что предсказывается смерть не за непокормление, а за злословие родителей, явное значение всего места только то, что Христос, приводя слова Моисея, очевидно, говорит только о том, что надо почитать родителей, а никак не о том, что те злодеи, которые убивают теперь сотнями людей в России, поступают правильно.

2

Ударение Толстого.

3

Зачеркнуто: заблудшихъ злодѣевъ, которые злодѣянiями

4

Зач.: мнѣ остается одно: всѣми силами стараться высказать наиболѣе ясно и сильно всю преступность ихъ дѣятельности. И это самое я и началъ какъ умѣю дѣлать въ довольно длинномъ писанiи, когда это письмо

5

Льва Александровича Арсеньева.